

Игорь Жук. Путь от студента до ректора

Его часто спрашивают, да и сам он у себя спрашивает: «Что для меня Гродненский медицинский университет?» Когда вчерашний школьник Игорь Жук получал студенческий билет, институту было пятнадцать.

Когда в 1998 году Игорь Георгиевич стал первым проректором, институту исполнилось сорок и он превратился в университет. Потом были госслужба в должности заместителя председателя Гродненского облисполкома и избрание председателем областного Совета депутатов, но связи с *alma mater* герой интервью не терял — работал профессором на кафедре оперативной хирургии, готовил аспирантов.

— И никогда не думал, что вернусь в качестве ректора, — говорит Игорь Георгиевич. — Но так получилось. Президент сказал, что мое назначение — это пожелание всего коллектива. Я, конечно, обязан доверию соратников и коллег и должен его оправдать. Это большая ответственность, но я сделаю для этого все.

Первый раз я переступил порог Гродненского мединститута полвека назад — 1 сентября 1973 года. Помню, как сдавал вступительные экзамены, помню атмосферу чуткости, но вместе с тем и строгости, которая царила буквально на каждой кафедре, помню преподавателей, требовательных и доброжелательных одновременно. Каждый из них привез из Минска, Витебска, Ленинграда, Москвы, Фрунзе — самых разных городов СССР — какую-то изюминку преподавания, присущую ему лично или его школе, и это создало целую палитру удачных подходов и принципов.

На каждой кафедре были свои особенности, поскольку приоритеты устанавливались интереснейшими, талантливейшими личностями, готовыми делиться богатым творческим и научным потенциалом и с коллегами, и со студентами. И хотя мы и без того считали, что поступили в мединститут по призванию, они нас, конечно, влюбляли в будущую профессию, такую сложную в постижении и такую нужную людям. Я часто рассказываю студентам про те годы.

Тогда состоялось мое знакомство с легендой — профессором Дмитрием Андреевичем Маслаковым, который возглавлял институт на протяжении 36 лет. Человек большой души и

огромного сердца, он по-отечески относился к студентам, соблюдая, как настоящий родитель, баланс доброты и строгости.

Я все спрашивала первых выпускников, какие у них были традиции, но безрезультатно: традиции еще не успели сложиться. Вы пришли спустя 15 лет — и я не могу не задать вам тот же вопрос, рассчитывая на полновесный ответ.

Конечно, за 15 лет институт серьезно преобразился. Но главной традицией я назову высокие требования к освоению учебного материала. Так было и так есть.

Мы учились и днем, и ночью, а порой приходилось засиживаться и до утра — таким большим был объем материала, который необходимо было усвоить. Библиотека в годы моей учебы не была еще укомплектована так, чтобы каждый студент мог рассчитывать на отдельный учебник. Это сейчас университеты выпускают учебники и методички, насыщают образовательный процесс всеми возможными видами информации, и не надо ее выискивать, она вся по полочкам разложена и подготовлена заботливыми преподавателями — только бери и впитывай.

Раньше же никаких дополнительных пособий не существовало, на весь Советский Союз выпускался единственный учебник по дисциплине, который мы чуть ли не в самом буквальном смысле зачитывали до дыр. Остальное преподносилось на лекциях, которые мы старательно конспектировали. Поэтому наша подготовка к экзамену очень напоминала эпизод из фильма «Операция «Ы»...», герои которого могли рассчитывать на успешную сдачу предмета только при упорном штудировании добросовестно составленного конспекта. Мы были так вымуштрованы, в хорошем значении этого слова, что ночью нас разбуди — без запинки ответим.

Конечно, у нас было много красивых традиций: и студотрядовское движение, и студенческое самоуправление, и художественная самодеятельность, и вокально-инструментальные ансамбли, и спортивные секции... Все это давало ростки, укреплялось и совершенствовалось.

А еще к числу важных традиций я бы отнес преемственность. Она хорошо прослеживается даже на примере ректорского состава. Леонарда Феликсовича Супрона я не знал, а упомянутый Дмитрий Андреевич Маслаков, и после него мой учитель Петр Васильевич Гарелик, и потом мой коллега Виктор Александрович Снежицкий, и моя ученица Елена Николаевна Кроткова — все они внесли свою лепту в фундамент этой преемственности: никто не сказал, что надо все делать по-новому, а прошлое нужно разрушить. Каждый, занимая этот пост, высоко оценивал сделанное предшественником и с большой благодарностью развивал дело дальше, понимая под развитием созидание.

Какие дисциплины вам нравились больше других? И кто из преподавателей помнится наиболее ярко?

Мне очень нравилось изучать анатомию. Кафедрой нормальной анатомии в те годы заведовал профессор Армен Николаевич Габузов, представитель Ленинградской научной школы, человек, прошедший войну. На его лекциях стояла такая тишина, что было слышно, как скрипят перья. Он умел и хорошо пошутить, и так преподнести материал, что эта дисциплина, одна из самых сложных, становилась доступной. Не меньше любил я и патологическую анатомию.

Ее преподавал не менее талантливый Юрий Григорьевич Бойко. Тоже выходец из Ленинградской школы, он приехал в Гродно молодым, но уже именитым ученым, известным не только в кругах патологоанатомов, но и всей медицинской общественности страны. Его научные труды цитируются до сих пор, а я помню, как он организовывал и проводил патологоанатомические конференции, на которых разбирались сложнейшие клинические случаи, завершившиеся летальным исходом.

Юрий Григорьевич скрупулезно анализировал просчеты, допущенные врачами, и это была не просто великолепная школа — это было предупреждение неправильных действий, которые могли допускаться хирургами и другими специалистами. Имея таких учителей в анатомии, я решил стать хирургом. На экзамене по хирургии у профессора Ивана Яковлевича Макшанова получил «отлично». Позже, на старших курсах, я познакомился с известнейшим хирургом Борисом Степановичем Граковым и даже несколько раз ассистировал ему на операциях. Он заведовал кафедрой госпитальной хирургии, а позже уехал в Красноярск и стал там ректором мединститута.

Я могу назвать много фамилий тех, кто оставил след не только в моей жизни.

Главное, что было присуще нашим преподавателям, — принцип справедливости. Предельно деликатные, опасющиеся обидеть студента, они этот принцип возвели в закон, который ревностно соблюдали.

И мы сейчас придерживаемся этого принципа, и наши преподаватели относятся к студентам с такой же отеческой добротой.

Конечно, у нас не обходилось без трудностей. Мы не имели разнообразия клинических баз, нам не хватало помещений для проведения практических занятий, но мы эти трудности понимали. Может быть, поэтому так охотно посещали студенческие научные кружки и участвовали во всех мероприятиях. Нам было приятно и важно, что рядом наши педагоги, что проблемы преодолеваются сообща, в одной связке. И сейчас в воспитании наших студентов самый используемый принцип — «делай как я».

Личный пример педагога — вот главное. Когда студенты видят, как ведет себя преподаватель, когда наблюдают его настроение и понимают мысли, с которыми он приступает к решению тех или иных задач, когда анализируют его отношение к событиям, происходящим в стране и за рубежом, — тогда от внимания не ускользает и то, как этот педагог развивается лично, как он сам профессионально растет. Когда студенты преподавателю, образно говоря, смотрят в рот, они перенимают его жизненные принципы и тоже им следуют.

По сути, к нам на учебу приходят уже взрослые люди, которые прошли через семейное и школьное воспитание и достаточно созрели. Но наша обязательная задача — принять участие в становлении их как личностей. Это одно из важнейших направлений нашей деятельности наряду с образовательной.

Поскольку вы уже полвека наблюдаете образ студента-медика, можете ли сказать, как этот образ эволюционирует, начиная еще с советских времен?

Каждое поколение имеет свои особенности, и если просто сравнивать времена, то к позитивному моменту советского времени я хочу отнести присутствие в среде студентов так называемых стажников — людей с трудовым и жизненным опытом, окончивших медицинские училища и поработавших фельдшерами, медсестрами, акушерками, отслуживших в армии.

Это были студенты с собственным мнением и сформированными лидерскими качествами. В каждой группе было по несколько таких человек, и нам, вчерашним школьникам, было стыдно плохо учиться, глядя на то, как они грызут гранит науки. Им, давно отошедшим от школьных физики и химии, было гораздо сложнее. А вот когда пошли дисциплины клинических кафедр — тут они уже, конечно, оказались на голову выше. Сейчас поступают все больше выпускники школ и лишь небольшая толика стажников.

И еще относительно разницы: прежние поколения студентов были более подготовленными к самостоятельной жизни. Сегодняшние чересчур опекаемы — и дома, и в школе, и в

университете. Да, и опекать надо, но до разумной степени, позволяя развиваться ответственности, самостоятельности. Новые поколения должны знать, что ничего без труда не дается, а кто дерзает, тому судьба помогает.

Какие задачи стоят сейчас перед высшим медицинским образованием?

Основная задача, которая была, есть и будет, — подготовка качественных специалистов. И совершенствование этой подготовки. Здесь пределов нет. Мы считаем, что готовим хороших врачей, но мы понимаем, что это уровень университетской подготовки, то есть мы даем хорошую теоретическую базу и установленный нормативными документами набор практических навыков.

За годы обучения в университете нельзя научить виртуозно владеть тем, чем владеет опытный врач-хирург или, скажем, врач-кардиолог. Все дело в том, что профессия врача подразумевает непрерывное профессиональное образование: университет, интернатура, клиническая ординатура, стажировка, институт наставничества... Только через 3–5 лет, в зависимости от специальности, врач начинает чувствовать себя уверенно.

Чтобы поднять качество подготовки, мы проводим процедуры аттестации и аккредитации. Наш университет — первый среди медицинских университетов страны, где внедрена и сертифицирована система менеджмента качества. И международную аккредитацию на соответствие стандартам World Federation for Medical Education мы получили первыми, что позволило нам существенно увеличить экспорт образовательных услуг.

Мы еще много в чем первые. Даже неловко. Первыми в стране открыли медицинскую лабораторию практического обучения с использованием симуляторов и имитаторов медицинских манипуляций, первыми установили виртуальный анатомический стол... Только у нас есть доступная населению анатомическая кунсткамера, только у нас есть медико-психологический факультет...

Образовательная инфраструктура — живой организм, нуждающийся в постоянном внимании.

Мы неустанно мониторим всех участников и все направления образовательного процесса. Мониторинг дает нам возможность понять, на каком именно уровне есть проблемы и какого именно рода, чтобы их устранить и шагнуть на новую ступень развития. Останавливаться нельзя.

И не зря нам четырежды вручалась Премия правительства в области качества. Мы этим, конечно, гордимся, но и дальше будем стремиться не только поддерживать свое реноме. Совершенству пределов нет.

Какие, на ваш взгляд, самые ценные, самые нужные, ключевые качества врача?

Встречаясь со студентами, читая им лекции, проводя с ними практические занятия, не только я, но и весь профессорско-преподавательский состав нашего университета прежде всего говорит о том, что они, безусловно, должны быть профессионалами, которые не перестают себя совершенствовать, но что на первом месте все же не это. На первом месте — отношение к пациенту как к самому близкому родственнику: отцу, матери, брату, сестре, бабушке или дедушке. Мы просим не забывать об этом никогда. Потому что люди все понимают и молодому врачу могут простить врачебные недочеты, поскольку профессиональной прозорливости он в силу молодости не может иметь.

Но никакому врачу, ни молодому, ни с большим стажем и опытом, ни один пациент не простит ни черствости, ни грубости, ни хамства, ни безразличия. Людей, способных к этому, в здравоохранении быть не должно.

Все мы требовательны к себе и другим и каждый день делаем шаг вперед, чтобы не стоять на месте. Мой основной принцип — чтобы и дома все было хорошо, и на работе все было хорошо, и настроение чтобы было такое: быстрее бы утро и опять на работу. Так говорил мой учитель Петр Васильевич Гарелик, наш ректор.

Светлана Вотинова, Минск